

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

ПЕЧАТАЕТСЯ В АФИНАХ, БУДАПЕШТЕ, КЕЛЬНЕ, ЛОНДОНЕ, МИЛАНЕ, МОСКВЕ, ПАРИЖЕ, ТАЛЛИННЕ

8 июля 1990 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

27

(521)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ЦЕНА 20 КОП.

ММ

«...Я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт...»

В этом году исполняется девяносто лет со дня рождения Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. В последнее время на Западе фигура одного из основоположников современной генетики вызывает всевозрастающий интерес. Ученые обращаются к его трудам, историки — к судьбе, изобилующей поступками мужества и чести. И только на горячо любимой им Родине не прекращается нелепый «избыточный» процесс.

Не осмеливаясь подвергать сомнению ценность научного наследия ученого, его «оппоненты», пользуясь аргументацией следователей бериевского НКВД, обвиняют его в коллаборационизме — сотрудничестве с нацистами. Однако все коллеги ученого, работавшие с ним во время войны в Институте изучения мозга в Берлин-Бухе, в один голос заявляют о его абсолютной непричастности ни к евгенике, ни к военным программам нацистов, которые велись в Ауэровском обществе и институте химии в Берлин-Далеме. Об этом свидетельствуют и публикуемые нами письмо Николауса Рилья, отправленное в конце 1989 года американскому ученому-генетику, проф. Дайане Пауль, резюме по итогам работы комиссии АН ГДР и свидетельство под присягой французского ученого Шарля Пейру, любезно предоставленные нам кинорежиссером, автором фильма «Рядом с Зубром» Еленой САКАНЯН.

Николаус Риль, чье письмо исследовательнице наследия Н. В. Тимофеева-Ресовского мы приводим, в годы войны был одним из руководителей немецкого «уранового проекта». Через него при посредничестве известного физика и радиобиолога К. Г. Циммера Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский получал большую часть денежных средств на проведение исследований в его отделении генетики.

Из письма

Уважаемая г-жа Пауль!
Сначала я хотел бы ответить на Ваше письмо проф. Борну от 20.8.89. Г-н Борн скончался уже более 2 лет назад. Его вдова попросила меня ответить Вам. Вы писали г-ну Борну, что Вас очень интересует, был ли Тимофеев-Ресовский связан с германским «урановым проектом». На этот вопрос именно я, пожалуй, отвечу лучше всех. Ответ гласит: работа Т.-Р. ничего общего не имела с «урановым проектом». Хотя Т.-Р. хорошо знал многих людей, имевших отношение к этому проекту... Контакты появлялись благодаря общему интересу к биофизическим проблемам. По вопросам биофизики часто велись дискуссии, результаты которых не находили никакого практического применения.

Тесные связи между Ауэровским обществом и отделением генетики института в Бухе, возглавляемым Т.-Р., возникли по разным причинам: во-первых, из-за моего уже упомянутого чисто научного интереса к биофизическим проблемам, а точнее, к тому, что сегодня называется молекулярной биологией. Во-вторых, Т.-Р. и я родились в России, поэтому довольно хорошо знали как лучшие стороны русской действительности, так и ужасы большевизма. Естественно, от нас не ускользнуло сходство сталинской России и гитлеровской Германии. Между собой мы часто говорили по-русски.

Существовала еще и третья, совершенно независимая от первых двух причина, связывавшая Ауэровское общество и генетическое отделение института в Бухе. После открытия искусственной радиоактивности доктор Вольф, руководитель радиологического отделения Ауэровского общества, которое преимущественно занималось поставками и сбытом природных радиоактивных веществ [...] для нужд медицины, решил проявить интерес также и к искусственной радиоизотопии. Это произошло, к слову замечу, задолго до экспериментального расщепления урана, так что более поздний «урановый проект» здесь ни при чем.

Сам Т.-Р. не интересовался этими работами, но его жена (Е. А. Тимофеева-Ресовская) делала вместе с Борном опыты (и публиковала их результаты) по распределению недолговечных искусственных радиоизо-

топов в организме, в основном для использования их как «изотопов-проводников» в диагностике (сейчас этот диагностический метод повсеместно распространен). Ауэровское общество осуществляло финансовую поддержку генетического отделения. И ничего общего с урановым проектом!

...Человеку, который не пережил то время, невозможно реконструировать те отношения. Доказательством тому служат большинство вопросов, которые задают нам, старым людям, современные историки. До чего же они наивны (простите)! Схематически упрощенное деление тогдашних актеров на «добрых» и «злых», «нацистов» и «ненацистов» не передает действительности. А действительность была «оттеночно богаче», поэтому ее трудно представить. Это относится также и к судьбе Т.-Р., когда он находился в Германии. Он ничего не совершил такого, о чем можно было бы потом пожалеть, он остался верным себе. Он выжил среди нацистов, но лишь потому, что был окружен людьми, заслужившими его от опасности. Уберечь его было трудно, но это удалось сделать не только по отношению к нему. Спаслись, например, биохимик, еврей по национальности Варбург, физик Кальман и др.

Из заключения комиссии

Два года назад Прокуратура СССР обратилась в Прокуратуру ГДР с просьбой подготовить материалы о деятельности Н. В. Тимофеева-Ресовского в годы второй мировой войны. Прокуратура ГДР в свою очередь обратилась за помощью в Академию наук ГДР, где для изучения вопроса была создана специальная комиссия. За год добросовестной работы комиссия подготовила обстоятельное заключение на пятидесяти листах и направила его советскому заказчику. Однако результаты ее работы до сего дня оставались неизвестны советскому читателю. К сожалению, объем этого документа не позволяет нам поместить его полностью.

Резюмируя, эксперты установили следующее. Из документов, переданных в распоряжение, и из материалов, подвергнутых дополнительной оценке, вытекает, что исследования, которые проводил советский ученый Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, никогда не способствовали тому, чтобы сознательно укреплять фашистскую диктатуру в Германии или предоставлять фашистам средства для ведения войны.

1. Относительно утверждения писателей о предполагаемом участии Н. В. Тимофеева-Ресовского в изготовлении атомной бомбы, а также в опытах на людях.

Экспертиза установила, что подобные высказывания представ-

1949 год. Н. В. Тимофеев-Ресовский в лагере п/я 3316. Город Касли, Челябинская область.

ляют собой чисто эмоциональные утверждения и оценки, не соответствующие действительности, и поэтому считаться обоснованными не могут.

Из материалов, подвергнутых дополнительной оценке, ясно следует, что т. н. «Уран-Ферайн» (в который входили ведущие физики-атомщики, но не Н. В. Тимофеев-Ресовский) хотя и ставил перед собой задачу изготовить ядерный реактор и атомную бомбу, однако ему не удалось найти технически приемлемый путь для изготовления атомной бомбы с помощью средств, имевшихся в распоряжении Германии во время войны.

Кроме того, существуют свидетельства, что некоторое число физиков-атомщиков сознательно затягивало проведение необходимых работ.

2. Сделанный Н. В. Тимофеевым-Ресовским в 1939 году обзор о биологических институтах в Советском Союзе рассматривается как составная часть обвинения его в государственной измене. Однако необходимо принять во внимание тот факт, что этот обзор возник в момент действия договоров о ненападении и дружбе между Германией и Советским Союзом, т. е. в тот момент, когда между учеными обеих стран также возникло желание и интерес к более тесным контактам.

В этой связи необходимо также отметить, что в объем работы значимых научных учреждений всех стран входил также обмен публикациями. Как советские научные институты — за исключением военных лет — получали труды институтов Германии, так и научные институты Германии получали труды институтов Советского Союза.

3. При оценке высказываний, касающихся проблематики возвращения после 1937 года в Советский Союз, необходимо учитывать сложившуюся там ситуацию с генетикой в это время. Неоправданное государственное вмешательство в развитие естественных наук создало — в первую очередь в генетике — сложную ситуацию, которая выражалась в подавлении проведения основополагающих исследований в области генетики, а также в репрессиях ведущих генетиков.

Свидетельство чести

В конце прошлого года советский физик Евгений Фейнберг, обеспокоенный задержкой реабилитации честного имени Н. В. Тимофеева-Ресовского, по собственной инициативе обратился за помощью к бывшему сотруднику Николая Владимировича, известному французскому ученому Шарлю Пейру, который отнесся к этой просьбе с достойной уважением ответственностью.

Я, нижеподписавшийся Шарль-Луи Жан ПЕЙРУ, свидетельствую честью,

что нижеследующее является абсолютной правдой.

Я познакомился с Николаем Владимировичем ТИМОФЕЕВЫМ-РЕСОВСКИМ в середине 1943 г. Я был французским военнопленным в Берлине. Я работал в его отделе с октября 1944 г. по сентябрь 1945 г. С конца ноября 1943 г. я виделся с ним очень часто, много раз в неделю, иногда почти ежедневно, и мы вели долгие разговоры. Я считал его наставником не только в науке, но и в культуре и политике. Я могу торжественно утверждать, что Н. В. Тимофеев был убежденным антифашистом. Я не хочу сказать, что он научил меня антифашизму, ибо это отвечало и моим мыслям, но, будучи гораздо старше меня и имея больший, чем мой, опыт в нацистской Германии, он, несомненно, укрепил мои взгляды и подвел под них более прочный политический фундамент.

Н. В. Тимофеев поддерживал многих людей, подвергавшихся нацистским преследованиям, предлагая им работу в своем отделе. [...] Характеризуя Н. В. Тимофеева, я должен добавить, что, по его рассказам, ему предлагали германское подданство, но он

отказался в выражениях жестких и ироничных: «Сударь, я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт...»

Работы, проводимые в отделе Тимофеевым, относились к генетике, в частности, к изучению мутаций под действием ионизирующих излучений у мух-дрозофил, что очевидно не имело ничего общего с военными усилиями. Нужно хорошо понимать, что для бюрократии никакая научная деятельность не имела права на существование, если она не была провозглашена важной для войны с присвоением ей степени приоритета («Dringlichkeitsstufe»). Низкая степень приоритета означала в действительности, что эта работа не имела никакого значения для войны, но без ее присвоения Тимофеев и его сотрудники не могли не только работать, но даже покупать манную крупу и сироп, необходимые для разведения дрозофил.

Правда, отдел генетики («Genetische Abteilung») сотрудничал с научными службами Auergesellschaft, но это абсолютно не означало, что этот отдел работал на Auergesellschaft. Как раз наоборот, именно эти службы помогали Тимофееву, предоставляя и отлаживая аппаратуру, необходимую для облучения, снабжая радиоактивными препаратами, используемыми для биологического мечения (по-английски — tracers), а также оплачивая часть персонала, в частности тех подвергавшихся опасности лиц, о которых я говорил выше. Я думаю (но здесь я не уверен), что это сотрудничество началось перед войной и затем продолжалось, имея наверняка низкую степень приоритета.

Наконец, нужно отметить, что в конце войны Тимофеев много раз имел возможность перевести свой отдел на запад. Он никогда не хотел этого делать, желая, как я думаю, вступить в контакт со своей родиной и соотечественниками. Он наверное не остался бы в Берлине, если бы ранее он проявлял хоть малейшую активность в деле помощи нацистским военным усилиям.

Наконец, известно, что его сын Дмитрий был арестован в 1943 году за просоветскую деятельность; насколько я знаю, он переводил советские пропагандистские тексты с русского на французский для военнопленных французов. Дмитрий был заключен в концлагерь Маутхаузен, где исчез. Конечно, речь идет о Дмитрии, а не о Николае Владимировиче, но эта активность свидетельствует о воспитании, которое он, Дмитрий, получил.

Совершено в Женеве 4 декабря 1989 г. Шарль ПЕЙРУ, бывший директор отдела ЦЕРН почетный профессор университета в Берне.

Рассмотрено в генеральном консульстве Франции с целью официального удостоверения вышеприведенной подписи г-на Шарля Пейру, расположенной справа и выше.

Женева, 4 декабря 1989 г. за генерального консула и по его поручению Клар де Суза, вице-консул, глава канцелярии. Публикацию подготовил Сергей БУРА.

* Весь текст заключения комиссии будет опубликован в журнале «Природа» в сентябре этого года.